

Конституция СССР 1936 г. и пути реформирования российской адвокатуры

В развитии российской адвокатуры в советский период можно выделить несколько этапов. Один из важных периодов связан с принятием Конституции СССР 1936 г.¹, и, как следствие, одновременной реорганизацией судостроительства, судебного процесса, пересмотром уголовного законодательства. Институт защиты, как один из важнейших элементов судопроизводства, не мог остаться в стороне от реформы. Защита и охрана прав гражданина провозглашалась одним из важнейших принципов, что следует из текста Основного закона. Вопросам построения советской судебной системы, правосудию в СССР и органам, его осуществляющим и содействующим ему, посвящена глава IX Конституции «Суд и прокуратура». Впервые на конституционном уровне предусматривалось право обвиняемого на защиту, что было закреплено в ст. 111 Основного закона.

В том же 1936 г. в СССР была осуществлена централизация руководства адвокатурой. 20 июня учрежден Народный комиссариат юстиции (НКЮ) СССР, в обязанности которого вошло, в числе прочего, общее руководство и надзор за деятельностью коллегий защитников, а также организация юридической помощи населению².

В это время стало очевидным, что действующие законы, регулирующие институт судебной защиты и представительства, не соответствуют духу времени. Формы и методы деятельности адвокатуры требовали реформирования и упорядочивания.

В публикациях звучали предложения расширить процессуальное представительство защит-

ников, ставился вопрос об организации адвокатуры во всесоюзном масштабе, об учреждении самостоятельного издательства и выпуске собственного печатного издания или предоставления адвокатам иной постоянной возможности профессионального, культурного и творческого общения³.

Авторитет судебной защиты в описываемое время находился на низком уровне. Современник тех событий А. Вольский приводит случай из судебной практики, когда четырехкратно вынесенный судами оправдательный приговор в пятый раз, без всякого к тому основания, опротестовывается районной прокуратурой. Подобные действия некоторых судебных и прокурорских работников снижали престиж самого суда и выносимого им приговора⁴, не говоря уже о деятельности защитников в этих процессах.

Очевидно, что предварительное следствие при отсутствии защитника у подозреваемого, нередко вопреки несомненным фактам, имело явно обвинительный уклон и часто велось сознательно односторонне.

В процессе разработки и обсуждения проекта Конституции вырабатывались новые подходы к организации и статусу адвокатуры⁵. Прежде всего, отмечалась необходимость принятия особого Положения о коллегиях защитников. В то

³ Вольский А. Обеспечение обвиняемому права на защиту и советская адвокатура // Советская юстиция. – 1936. – № 22. – С. 6-7.

⁴ Там же.

⁵ См., например: Вольский А., там же; Тарнова М. Защита в советском суде // Советская юстиция. – 1936. – № 26. – С. 13-14; Шимхович. – Обеспечение обвиняемому права на защиту // Советская юстиция. – 1937. – № 14. – С. 20; Плотников К. Обеспечение обвиняемому права на защиту по проекту Конституции СССР // Социалистическая законность. – 1936. – № 10. – С. 55; Тагер А. О советской адвокатуре // Социалистическая законность. – 1936. – № 10. – С. 12-18.

¹ Конституция (Основной закон) СССР утв. постановлением чрезвычайного VIII съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1936. – 6 декабря. – № 283.

² СЗ СССР. – 1936. – № 62. – С. 455.

время в каждой союзной республике СССР действовало свое собственное положение, что порождало несогласованность по основным вопросам деятельности данного института. Кроме того, все эти положения, действующие уже более десятка лет, во многом не соответствовали духу времени, что особенно стало очевидным с принятием нового Основного закона страны.

Предлагалось вывести адвокатуру из непосредственного подчинения судам. Актуальным был вопрос расширения процессуальных прав защиты в суде. Так, по ст. 246 УПК РСФСР 1923 г.⁶ обвиняемый имел право на защитника с момента вручения ему копии обвинительного заключения, то есть за три дня до слушания дела. Однако к 1936 г. постепенно складывается практика вызова обвиняемого для участия в предварительном заседании суда. В печати выдвигалась идея вызова вместо обвиняемого или вместе с ним при определенных условиях также и его защитника, что частично изменяло процессуальный порядок передачи суду и служило некоторой гарантией от необоснованного привлечения гражданина к ответственности. Звучали призывы о необходимости признать участие защиты в суде обязательным по делам обвиняемых, находящихся под стражей, организовать при местах заключения пункты по оказанию бесплатной юридической помощи обвиняемым, находящимся под стражей.

Данные тенденции, как и идея о необходимости существования коллегий защитников, нашедшая свое выражение в существенном расширении правовой помощи, выявила основания для увеличения спектра процессуальных прав защиты до пределов участия ее в предварительном следствии. Ведь юридически неграмотный обвиняемый нуждается в правовой помощи на следствии в не меньшей степени, чем в суде. Ведь уголовное дело часто заканчивалось составлением обвинительного заключения, в то время как оно должно было быть прекращено на законных основаниях. Были налицо факты безосновательного привлечения граждан к уголовной ответственности. Расследование носило ярко выраженный обвинительный характер, что следует из приведенной исследователем проблем адвокатуры В. Раскольниковым статистики – процент дел, прекращаемых в кассационной инстанции, по отдельным судам достигал 34–42 %⁷. Безосно-

вательное привлечение к уголовной ответственности влекло за собой серьезные нарушения прав человека. Также это проявлялось в тенденциозном избрании определенной меры пресечения, например, заключении под стражу, отстранении от должности и т. д., что влекло для гражданина, его репутации необратимые последствия, несмотря на оправдание судом впоследствии. Когда дело расследовалось с различными процессуальными нарушениями, защитник в суде выступал с ходатайствами об исправлениях и дополнениях, что, соответственно, загромождало и затягивало судебное рассмотрение. Все это в значительном объеме можно было устранить, допустив адвоката к участию в предварительном расследовании. Очевидно, что это способствует более строгому соблюдению уголовно-процессуальных норм, а также выяснению обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, смягчающих его ответственность, которые следователь самостоятельно может не учесть. Однако политическая ситуация была такова, что авторы публикаций об адвокатуре (например, В. Раскольников в названной работе) не осмеливались говорить о возможности привлечения защиты к расследованию по всем категориям дел. Автоматически исключался из рассмотрения большой перечень «контрреволюционных» преступлений, то есть таких деяний, которые можно было признать направленными на свержение, подрыв или ослабление действующей власти, покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции⁸.

В судебном процессе нарушался принцип равенства сторон, например, в возможности обжалования решения или приговора. Так, прокурор имел возможность доводить свое мнение до высших судебных инстанций. Защитник же был лишен права непосредственного обжалования решения суда первой и кассационной инстанции в президиуме Верховного Суда и выступления на его заседании. В данном случае защитник зависел от прокурора, который один только мог внести протест в указанную инстанцию. Получалась такая нестандартная ситуация, когда для доведения дела до справедливого конца, до высшей инстанции защитник вынужден был просить своего процессуального оппонента сделать это за него. Данную несправедливость предлагалось устранить, предоставив защитнику аналогичные с прокурором права.

⁶ Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. – 1923. – № 7. – С. 106; Известия ВЦИК. – 1923. – 18 февраля. – № 37.

⁷ Раскольников В. Значение советской защиты // Советская юстиция. – 1936. – № 31. – С. 6.

⁸ См.: Ст.ст. 58.1–58.18 УК РСФСР, принятого постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – С. 600.

По-прежнему отношение к защитнику со стороны судебных и прокурорских работников составляло желать лучшего. Факты негативного отношения к адвокатам, имевшие место с 1917 г., продолжали существовать. Кроме этого, необходимо отметить пренебрежение к рабочему времени защитника. Защитник М. Паликов отмечал: «среди многих работников суда и прокуратуры еще не изжит взгляд на защитника как на обыкновенного посетителя, которому доступ к прокурору, судье или секретарю суда возможен только в дни и часы приема всех остальных посетителей, в порядке общей очереди, где за каждой справкой приходится стоять по 4—5 часов»⁹. Дела в судах почти никогда не слушались в точное время, указанное в повестках, и вообще могли переноситься на другой день, причем адвокаты могли об этом узнавать в конце текущего дня. Такое же отношение к защитнику имело место и в Верховном суде РСФСР, и Верховном суде СССР. Так, вместо того, чтобы с утра вывесить список назначенных к слушанию в кассации дел, это делалось к концу дня¹⁰, хотя ст. 435 УПК РСФСР 1923 г. требовала осуществлять это за 24 часа до заседания. Напротив, высшие судебные инстанции должны во всем показывать положительный пример. Защитник не является обычным посетителем, его профессиональная деятельность осуществляется в суде, прокуратуре. Исходя из сложившейся практики, защитник вынужден был затрачивать большое количество времени на подачу заявления, получение справки, ожидание слушания дела. В связи с этим нельзя не согласиться с выдвигавшимся М. Паликовым предложением о выделении особых, специально установленных для приема защитников часов, проводить судебные заседания в первую очередь по делам с участием защиты, поскольку из 10—15 рассматриваемых дел таковых было всего лишь 2—3.

О необходимости создания нормальных условий для работы адвокатов в судебных органах говорил и НКЮ СССР¹¹, хотя сам он частично ограничивал права адвоката, в частности, в надзорной инстанции, обращая внимание на то, что неправильно допускать адвокатов к участию в заседаниях верховных судов при рассмотрении протестов на приговоры и решения, вступившие в

законную силу, так как это не предусмотрено законом¹². Однако это, на наш взгляд, нельзя считать препятствием к участию адвоката. Хотя протест вносится прокурором или председателем суда, ходатайство об этом составляет адвокат, он же его и обосновывает. Соответственно, он более четко может озвучить позицию своего клиента и мотивировать собственное мнение по делу. Личное присутствие адвоката в надзорной инстанции никак не мешало данной процедуре, а, напротив, могло способствовать лишь более правильному и полному рассмотрению заявленного протеста.

Общие черты реформы адвокатуры были намечены народным комиссаром юстиции СССР Н. В. Крыленко¹³. Проект преобразования не был радикальным, сильно меняющим организацию данного института, что стало возможным лишь к середине 1930-х годов, когда сформировался новый в социальном отношении класс защитников. Буржуазный состав и антисоветский настрой спустя 18 лет после разрушения присяжной адвокатуры был практически сведен на нет. Политическое недоверие власти к корпорации адвокатов постепенно преодолевалось. За это время в советских вузах были воспитаны юристы новой волны, лояльные к советской власти, которые были призваны обеспечивать защиту трудящимся в своем собственном государстве.

Защита строилась по действовавшему принципу, путем сохранения коллегий защитников как самоуправляющихся единиц, организационно независимых от органов суда, с определенными правами и автономией. Только при независимости и автономии от суда и прокурора каждый адвокат, как писал Крыленко, сможет защищать подсудимого согласно своему политическому разуму и совести, вступая в спор за право и материальную истину с прокурором и с самим судом¹⁴. Данный процессуальный спор, как столкновение разных точек зрения на деяние, вину, субъект преступления и т. д., возможно было разрешить, только обеспечив спорящим равную возможность свободно отстаивать свою позицию. Вместе с тем, что особенно важно, устранялась имевшая место до сих пор принудительная коллективизация защитников, которая была призвана подорвать экономическую базу частной адвокатуры. Следует подчеркнуть, что сначала коллективы не упразднились как таковые, а ликвидировались лишь их

⁹ Паликов М. Пренебрежение защитой // Советская юстиция, 1937. – № 10-11. – С. 93; На собрании московских адвокатов // Советская юстиция. – 1937. – № 22. – С. 44.

¹⁰ См.: Каменский Ф. Дисциплинарная деятельность президиума Московской коллегии защитников // Советская юстиция. – 1938. – № 4. – С. 61.

¹¹ См.: Приказ НКЮ СССР № 106 от 22 декабря 1938 // Советская юстиция, 1939. – № 3. – С. 63-64

¹² Приказ НКЮ СССР № 29 от 25 марта 1940 г. // Советская юстиция. – 1940. – № 7. – С. 44.

¹³ Крыленко Н.В. Задачи судебных органов в связи с проектом Конституции // Советская юстиция. – 1936. – № 26. – С. 8.

¹⁴ Крыленко Н.В. Задачи советской защиты // Советская юстиция. – 1936. – № 27. – С. 2.

жесткое насаждение со стороны государства. Под коллективом подразумевалось свободное, добровольное объединение адвокатов.

К середине 30-х годов стали очевидны явные недостатки в организации, руководстве, структуре коллегий защитников, для преодоления которых встала необходимость организации особого органа со специальной компетенцией. В данный период решается вопрос единого центрального руководства коллегиями адвокатов. Общее управление коллегиями защитников вручалось особому самостоятельному отделу судебной защиты и юридической помощи населению при НКЮ СССР, впоследствии названному отделом адвокатуры, который осуществлял общее руководство, вел учет кадров, рассматривал жалобы на прием или исключение из коллегии, на другие решения органов коллегии и др.

Отдел адвокатуры с первых же дней своего существования стал активно исполнять возложенные на него функции. Первоначальной целью являлось изучение фактического состояния кадров, организационного построения коллегий, системы и формы оплаты труда защитников, формы и качества оказания юридической помощи населению. Большое количество коллегий были подвергнуты ревизионным проверкам, вскрывшим многочисленные упущения и недостатки в организации и деятельности защиты в то время. В печати публиковались резкие критические статьи заведующего отделом защиты НКЮ СССР М. Кожевникова о современной судебной защите¹⁵. В них подчеркивалось, что до организации союзного наркомата юстиции никто по существу серьезно коллегиями защитников не занимался. Руководители коллегий на заседаниях президиумов областных (республиканских) судов лишь иногда делали доклады о работе коллегий, в итоге выносилась формальная резолюция, поскольку деятельность коллегий по существу не проверялась. Хотя областные суды повсеместно выделяли членов суда для надзора и данные лица нередко присутствовали на заседаниях президиумов, почти никогда они не вносили улучшения в работу коллегий. Существовал только один способ руководства – периодическая «чистка» коллегий защитников, которая на поверку также оказывалась неэффективной – так, Кожевников говорит о

том, что среди защитников после неоднократных «чисток» выявлялись и «прямые враги народа, и люди политически и юридически неграмотные, и просто жулики». Только к концу 1930-х годов всерьез встал вопрос о приеме в адвокатскую корпорацию лишь тех лиц, которые будут заниматься защитой как профессией, а не с целью занятия руководящих постов, как это было совсем недавно, а также предлагалось прекратить доступ в члены коллегии лицам, изгнанным из других звеньев судебной системы.

Сформировавшееся к середине 1930-х годов организационное разнообразие в построении коллективов защитников, отсутствие единой практики явилось большой проблемой. Сложилось три вида коллективов:

1. *Общереспубликанские или областные* – в составе коллегии защитников области или республики имеется определенное количество членов, составляющих единый областной (республиканский) коллектив. Председатель коллегии защитников являлся председателем коллектива. При такой организации в области, где практиковали 100–200 защитников, не было самостоятельно управляемых коллективов, хотя и имелись юридические консультации с выборными руководителями или чаще назначаемыми президиумом коллегии уполномоченными. Состав коллектива был равен составу всей коллегии защитников. Руководители коллектива, естественно, находились в областном (республиканском) центре и бывали на местах раз в год, а то и реже. Отсутствие выборности заведующего консультацией и признаков самоуправления вело к отсутствию ответственности консультации за свою работу. Эта форма была широко распространена в РСФСР, Белоруссии и Украине.

2. *Смешанные городские и общеобластные коллективы* – являлись редко встречаемой формой (Западно-Сибирский край). В городах существовали самостоятельно управляемые коллективы. Члены коллегий, находящиеся в сельской местности, составляли единый краевой коллектив защитников. Очевидно, что сельские защитники, в отличие от городских, при данной форме редко могли собираться вместе, встречаться с руководством и успешно развивать свою деятельность. Сложно говорить о признаках коллектива в организации сельских защитников.

3. *Межрайонные коллективы* – образовывались из защитников, работающих в нескольких соседних регионах и имеющих выборное бюро коллектива и центр в наиболее крупном городе района. Члены такого коллектива могли часто

15 Кожевников М. Очерки о защите – кадры // Советская юстиция, 1937. – № 8. – С. 36; Очерки о нашей защите – организационная структура // Советская юстиция. – 1937. – № 10-11. – С. 57-59; О системе (форме) оплаты труда членов коллегии защитников // Советская юстиция. – 1937. – № 13. – С. 16-17; Очерки о нашей защите – руководство защитой // Советская юстиция. – 1937. – № 17. – С. 15.

собираться на общие собрания, бюро могло непосредственно осуществлять проверку качества работы, оказывать помощь защитникам. Коллектив, со своей стороны, осуществлял реальный контроль над выборным руководящим органом. Эта форма была наиболее удобна и имела большее распространение, чем первые две.

Для того чтобы достичь единства организационных форм коллективов, НКЮ СССР указал на необходимость преобразования единых областных и республиканских коллективов. В частности, предлагалось впредь до издания нового положения о защите, чтобы на местах, где было не менее 5 защитников, существовал самостоятельный коллектив, имеющий свой выборный орган. Временно разрешалось существование единых коллективов защитников в областях и республиках, где общее количество членов коллегии было не более 25 человек¹⁶.

В республиках, имеющих краевое, областное деление, в том числе в РСФСР, общереспубликанские коллегии защитников не создавались. Общее руководство коллегией в таких субъектах осуществляли местные отделы судебной защиты НКЮ.

Разнообразие систем оплаты труда защитников в различных коллегиях, отсутствие однообразной практики по этому вопросу привели к неудовлетворительному состоянию порядка оплаты юридической помощи. Исчисления размеров удержания из заработка в пользу президиума доходили до 60 %, что вынуждало регулировать этот вопрос приказом НКЮ СССР. Так, было установлено, что размер удержания на расходы президиуму и коллективу, включая расходы на социальное страхование, переподготовку кадров и др., не должен превышать 30 %.

М. Кожевников предлагал повсеместно ввести индивидуально-сдельную систему оплаты труда защитников, которая была отражена в приказе НКЮ СССР № 57 от 2 июля 1937 г. Она заключалась в следующем. Каждый защитник, после отчисления определенного процента из заработка на расходы в фонд президиума и бюро коллектива, весь остаток получал в свою пользу. Таким образом, личный заработок напрямую зависел от того, как работал защитник в данном месяце. Чтобы не допускать стремления избегать низкооплачиваемых и бесплатных дел, клиенты должны были распределяться между членами коллектива специально избранным лицом, учитывающим при этом квалификацию, специализацию,

степень загруженности защитников. Вся бесплатная работа распределялась равномерно между всеми членами коллектива. Дежурный по консультации оформлял условия оплаты труда с клиентом, выдавал квитанцию о получении гонорара. Если клиент при обращении в консультацию заявлял персональное требование на ведение дела конкретным защитником, то последний мог взять на себя данное поручение, если степень его загруженности не препятствовала этому.

Однако предложенная М. Кожевниковым система оплаты вызвала резко отрицательные отклики. Недостатки ее внедрения были описаны, что характерно, анонимным автором в статье «Больные вопросы адвокатуры»¹⁷. В частности, отмечалось, что эта форма оплаты труда предполагает частную практику в коллективах и подрыв коллективных форм работы. Получение в свою пользу только заработанного, за исключением вычетов, было очень схоже с оплатой в частном кабинете и могло привести к развитию конкуренции между адвокатами. Очень часто защитник сам договаривался о размере гонорара с клиентом, а заведующий консультацией только заполнял регистрационную карточку. Господство денежных интересов создавало недостойное положение, когда каждый из дежурных защитников стремился, чтобы всякий явившийся в консультацию клиент попал непременно к нему, что порождало между защитниками взаимную недоброжелательность и неприязнь. Результатом являлись вопиющие нарушения профессиональной этики отдельными защитниками. Появились факты, когда защитник брал значительный гонорар, гарантируя успех по делу, хотя он не имел права давать обещания, так как получает гонорар за труд, а не за определенный результат. И, тем не менее, в дальнейшем по решению вопроса ничего не предпринимал и уклонялся от встреч и объяснений с клиентом. Некоторые защитники подкупали канцелярских работников суда, которые их рекламировали и направляли к ним нуждающихся в защите¹⁸.

Такие стремления отдельных защитников, заключивших большее количество договоров на оказание правовых услуг, способствовали большим заработкам, которые часто находились в разительном контрасте с их квалификацией. Качество оказываемых ими услуг говорило само за себя. Выполнение других обязанностей защиты (бесплатная защита, правовая пропаганда и др.) отходило далеко на второй план. К такому небла-

¹⁶ Кожевников М. Очерки о нашей защите – организационная структура. – С. 58.

¹⁷ Советская юстиция. – 1938. – № 14. – С. 16-17.

¹⁸ См.: Каменский Ф., указ. соч. – С. 59.

говидному результату привело то, что из предложений Кожевникова на практике реально действовало только правило о получении защитником заработанного в свою пользу, а равномерное распределение бесплатных дел, заключение соглашения с клиентом заведующим консультацией и другое не исполнялось. В статье «Больные вопросы адвокатуры» предлагалось безотлагательно отменить приказ НКЮ СССР № 57 от 2 июля 1937 г. в части оплаты труда защитников и вернуться к оплате в зависимости от количества, качества работы и квалификации адвоката, разбив защитников на несколько категорий, с установлением для каждой из них постоянной части зарплаты в виде конкретной ставки. А окончательную сумму оплаты труда за истекший месяц считалось возможным определять на производственном совещании коллектива, в зависимости от оперативных показателей всех видов работы защитника. Предполагалось, что такие изменения приведут к улучшению всех видов работы советской адвокатуры.

Для учета качества оказания юридических услуг планировалось в коллективах избирать комиссии по качеству. В случае положительной оценки работы защитника производилась надбавка к зарплате 10–15 %, при низком же качестве – снижение суммы записанного на счет защитника заработка.

Таким образом, предлагалось решить проблему реализации принципа оплаты труда членов коллегии защитников в соответствии с его качеством и количеством.

Важнейшей проблемой по-прежнему являлось техническое обеспечение деятельности защитников, которым приходилось принимать клиентов в совершенно неприемлемых условиях. Кожевников приводил вопиющие факты – иногда доходило до того, что защитники консультировали клиентов в коридорах судов, за перегородками, устроенными в коридорах, под лестницей, в общих канцеляриях судов и т. п. Таким образом, защитник не имел возможности обсудить с доверителем его проблему в нормальной обстановке, в отсутствие других клиентов или вообще посторонних лиц. Что же можно было говорить после этого о качестве предстоящей работы защитника по отстаиванию прав и законных интересов подзащитного и представляемого в судебном процессе?

Одним из главных недостатков коллегий являлась оторванность президиума от коллективов и консультаций, то есть от основной массы рядовых адвокатов. В их числе Н. В. Крыленко отме-

чал следующие: недостаточное наблюдение за выполнением защитниками своих профессиональных и общественных обязанностей; отсутствие надлежащего взаимодействия и оперативной связи президиума с отдаленными коллективами; недостаточный контроль за выполнением решений президиума; несвоевременное рассмотрение дисциплинарных дел (в Москве в 1937 г. при наличии в составе 821 защитника находилось в производстве 215 таких дел); отсутствие надлежащей настойчивости в улучшении профессиональных условий работы адвокатов и др.¹⁹

Что касается дисциплинарной практики, то ее недочеты были отмечены НКЮ СССР. Среди них – волокита в разрешении дел, о чем говорил факт нерассмотрения дел по 3-6 месяцев, по году и даже больше. Отсутствие должного внимания и несерьезный подход к рассмотрению отдельных дел приводили как к неосновательному прекращению производства, так и к недостаточно обоснованному назначению взысканий, вплоть до исключения из состава коллегии. Это особенно касалось фактов привлечения к ответственности лишь на основании одного частного определения суда, без подтверждения изложенных в определении обстоятельств соответствующей выпиской из протокола судебного заседания. Такое отношение и отсутствие детальной проверки всех обстоятельств дела со стороны республиканских НКЮ приводило к тому, что по жалобам исключенных защитников НКЮ СССР восстановил в правах членов коллегии 30 человек из 81²⁰. На это незамедлительно последовала реакция НКЮ РСФСР, который специальной директивой обязал суды в случае вынесения указанного определения за допущенный в процессе судебного заседания проступок высылать вместе с копией частного определения и копию выписки из протокола заседания – в качестве подтверждения изложенного в определении факта²¹.

Одной из главных причин плохого состояния дисциплинарной практики считалось негативное отношение к адвокатуре судебных работников. Судьи принимали частные определения, на основании которых возбуждалось дисциплинарное производство. Но в печати отмечалось множество примеров несправедливого вынесения определений, указывающих на «ошибки» защитников и

19 Из речи Н.В. Крыленко на собрании московских адвокатов // Советская юстиция. – 1937. – № 22. – С. 45.

20 Инструкция НКЮ СССР № 126 от 4 ноября 1937 г. «О порядке рассмотрения дисциплинарных дел членов коллегии защитников» // Советская юстиция. – 1937. – № 23. – С. 55-56.

21 Инструкция НКЮ РСФСР № 99 от 21 декабря 1937 г. // Советская юстиция. – 1938. – № 2-3. – С. 87.

препятствующих им в выполнении своих функций, несмотря на то, что действовали они в данных ситуациях в рамках уголовно-процессуального законодательства. Таким образом ущемлялись и права подсудимых. Однако в практике рассмотрения коллегиями защитников возбужденных по инициативе судей дисциплинарных дел президиум вынужден был обращать внимание органов юстиции на совершенно недопустимое поведение самих судей, возбудивших производство, и говорить о применении к ним дисциплинарных санкций. Практика показывала, что вместо смелого выполнения своего профессионального долга некоторые защитники, из-за боязни своей настойчивостью вызвать раздражение судьи, снижали собственную роль в процессе в целях перестраховки, уклонялись от заявления необходимых по обстоятельствам дела ходатайств о направлении дела на следствие, о вызове свидетелей, не просили о назначении необходимых экспертиз и пр. Они также не писали замечаний на протоколы судебных заседаний, в которых совершенно неправильно отражалось происшедшее в суде. Нередко такие защитники в своих выступлениях при недоказанности преступления вместо того, чтобы требовать оправдания своего подзащитного, просили лишь о смягчении наказания. Имелись случаи, когда обвиняемым в последнем слове приходилось защищаться в буквальном смысле от своего же защитника²². Получался замкнутый круг – с одной стороны, на адвоката мог пожаловаться клиент, недовольный тем, как осуществлялась его защита, с другой стороны, судьи не терпели настойчивости адвокатов в отстаивании интересов обвиняемого или представителя. Впоследствии в советской печати, не выявляя причин такого поведения адвокатов, их несправедливо относили к неграмотным, низко квалифицированным специалистам²³. Бесспорно, такому ненормальному явлению способствовало соответствующее отношение судей, снижающее и авторитет правосудия в целом. С этим пытались бороться президиумы коллегий адвокатов и наркомат юстиции.

Отмечалось неправильное построение руководства коллективами и индивидуально практикующими членами со стороны президиумов коллегий – в частности, в вопросах разрешения дис-

циплинарных дел, приема в коллегии, профессиональной этики, правильного взимания гонораров, качества оказываемой помощи. Имелись случаи бесконтрольного расходования общественных средств президиумами коллегий, несмотря на существование в коллегиях ревизионных комиссий.

27-28 ноября 1937 г. прошло совещание начальников отделов судебной защиты и юридической помощи населению наркомюстов союзных и автономных республик, по итогам которого НКЮ РСФСР издал приказ № 101 от 31 декабря 1937 г. «Об обслуживании населения юридической помощью»²⁴, где были указаны недочеты в работе коллегий защитников. Так, констатировалось отсутствие в ряде коллегий своевременных перевыборов президиумов и ревизионных комиссий, выборов в бюро и председателей коллективов защитников, которыми руководили назначенные президиумами коллегий лица, преобладание бумажно-бюрократического метода руководства, мешающего своевременному устранению недочетов, что выражалось в непривлечении актива к разрешению основных вопросов жизнедеятельности коллегий и отсутствию отчетов президиумов перед членами коллегий. До 700 районов в РСФСР не обслуживались постоянной юридической помощью. Отмечалось неудовлетворительное состояние работы по поднятию квалификации адвокатов и по изучению юридического минимума теми, кто не имел юридического образования. Несмотря на нехватку работников, во многих районах существовали препятствия для вступления в адвокатуру на основании отсутствия вакансий и лимитированности количественного состава. НКЮ РСФСР направлял работу коллегий на преодоление данных нарушений. Особо следует отметить, что требовалось обеспечить постоянное обслуживание юридической помощью население в каждом административно-территориальном районе не менее чем одним защитником на район и увеличить число защитников, где их было недостаточно. Осуществить это предлагалось к 1 апреля 1939 г.²⁵ До воплощения этого требования временно практиковалось направление городских адвокатов в районы, нуждающиеся в правовой помощи, в порядке очереди, на срок от одного до двух месяцев.

В те годы перед советской адвокатурой ставилась цель в предельно короткий отрезок времени искоренить все установленные недостатки и под-

²² О негативном отношении судебных работников к защитникам см.: Судьи и защитники // Советская юстиция. – 1939. – № 12. – С. 36-38; Спектор Э. Недопустимое отношение некоторых судей к защите // Советская юстиция. – 1939. – № 14. – С. 51-53.

²³ См., например: Спектор Э. Качество работы адвокатуры // Советская юстиция. – 1940. – № 9. – С. 15.

²⁴ Советская юстиция. – 1938. – № 2-3. – С. 87-88.

²⁵ Приказ НКЮ СССР № 106 от 22 декабря 1938 // Советская юстиция. – 1939. – № 3. – С. 63-64.

нять свою работу на качественно высшую ступень, чтобы быть способной осуществлять задачи, возлагаемые на нее новой Конституцией²⁶. Основные вопросы деятельности коллегий защитников должны были найти свое отражение в законодательных актах. Отделом судебной защиты НКЮ СССР были разработаны проекты: положение об адвокатуре, типовой устав коллективов, инструкция для индивидуально практикующих адвокатов, правила оплаты труда адвокатов (такса).

Планировалось создать полноправную систему представительства и защиты в суде. Тем самым предполагалось поднять уровень защиты на должную высоту, улучшить работу юридических консультаций, устранить имеющиеся недочеты. Выдвигалась задача обеспечения систематического политического руководства и контроля специально созданными органами в аппарате НКЮ. Цель систематического контроля коллегий заключалась в том, чтобы права, которые будут предоставлены адвокатам, «были использованы защитниками лишь в целях укрепления социалистического строительства и обеспечения прав трудящихся»²⁷.

Н. В. Крыленко в своей речи на указанном совещании, помимо собственно адвокатуры, предлагал создание еще двух форм советской защиты. Это, прежде всего, обеспечение юридической помощью через профсоюзные консультации всех их членов. Предполагалось, что защитники могли бы там работать за заработную плату или по таксе, установленной профсоюзом, что помогло бы решать вопросы, связанные с гонораром, оплатой и т. д. Другая организационная форма защиты заключалась в следующем. В тех районах, где не будет коллектива, для юридической помощи колхозникам и колхозным объединениям предполагалось организовать сеть государственных защитников²⁸. Однако, как показала практика, наиболее приемлемой и жизнеспособной оказалась форма оказания юридических услуг через коллегии адвокатов.

²⁶ Кожевников М. Очерки о нашей защите – руководство защитой. – С. 17.

²⁷ Крыленко Н.В. Задачи советской защиты. – С. 4.

²⁸ Там же. – С. 3.

Несомненно, положение ст. 111 Конституции СССР повысило авторитет советской адвокатуры, общественную и государственную значимость этого института. Положительный момент следует усматривать в прекращении споров вокруг ликвидации или необходимости существования адвокатуры в советском государстве. Был поставлен вопрос о дальнейшем реформировании института адвокатуры, приведении его в соответствие с советскими реалиями.

Реорганизация судоустройства, судебного процесса, пересмотр уголовного законодательства и т. д., инициированные принятием Конституции СССР 1936 г., привели к принятию в 1939 г. нового единого Положения об адвокатуре СССР, которое превратило адвоката из лица свободной, творческой профессии в производственную единицу, советского служащего. Однако, несмотря на все трудности, адвокатура справлялась по мере возможности со стоящими перед ней задачами по защите прав и интересов граждан и организаций. Хотя при рассмотрении политических дел адвокат был бессилем, объем юридической помощи увеличивался с каждым годом, как возрастал и авторитет защитников, порой являвшихся единственным противовесом беззаконию, оказывавших реальную помощь людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию²⁹.

Новым Положением были установлены единые принципы организации, цели и задачи адвокатуры на территории всего государства, во всех союзных республиках. Также в нем было определено место адвокатуры в государстве как общественной организации с особым статусом, обеспечивающей функцию правозащиты – как в судебных, так и иных органах, и реализующей оказание помощи населению и организациям по правовым вопросам. К концу 30-х годов сформировались принципы, организационная структура и адвокатская корпорация в целом в том виде, в котором она просуществовала вплоть до 90-х годов XX века.

²⁹ Быковская Е.А. Адвокатура Новосибирской области в 1920-80-е гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2003. – С. 17.

А. В. Клевцов,
кандидат юридических наук